

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 6 (117). С. 78–90.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 6 (117), pp. 78–90.

Педагогические науки

Научная статья

УДК 81-2

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-14>

EDN: JYVP10

Усадебное пространство и его реалии в двуязычной автобиографической прозе В. Набокова

Дмитрий Данилович Курушин

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,

Пермь, Россия,

dmitry.kurushin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5579-7692>

Аннотация. В статье рассматривается феномен усадебного пространства и реалий, его отражающих. Материалом для исследования послужили автобиографические тексты В. Набокова «Другие берега» и “Speak, Memory”, первый из которых рассматривается нами в оригинале, а второй – в авторском переводе. Такой подход позволяет сравнить описания усадебного пространства на русском и английском языках, выявить и проанализировать переводческие решения автора при межъязыковой передаче российских усадебных реалий в англоязычной версии автобиографии.

Ключевые слова: лингвистика, переводоведение, автоперевод, усадебный текст, реалия

Благодарность: Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора С. Л. Мишлановой.

Для цитирования: Курушин Д. Д. Усадебное пространство и его реалии в двуязычной автобиографической прозе В. Набокова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 6 (117). С. 78–90. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-14>

The Russian estate and its realia in V. Nabokov's bilingual autobiographical prose

Dmitry D. Kurushin

Perm State National Research University,

Perm National Research Polytechnic University,

Perm, Russia,

dmitry.kurushin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5579-7692>

Abstract. The article examines the phenomenon of the Russian estate space and the realia that represent it. The research is based on Vladimir Nabokov's autobiographical texts "Other Shores" and "Speak, Memory", the first of which can be considered as the original, and the second one as an author's translation. This material allows us to compare the description variants of the estate space in

Russian and English, to identify and analyze the translation solutions of the author-translator in the interlanguage transfer of Russian estate realia in the English version of the autobiography.

Keywords: linguistics, translation studies, self-translation, manor text, realia

Acknowledgments: The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor S. L. Mishlanova.

For citation: Kurushin D. D. The Russian estate and its realia in V. Nabokov's bilingual autobiographical prose. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 6 (117), pp. 78–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-14>

Великая русская культура, которая стала национальной культурой и дала Фонвизина и Державина, Радищева и Новикова, Пушкина и декабристов, Лермонтова и Чаадаева и которая составила базу для Гоголя, Герцена, славянофилов, Толстого и Тютчева, была дворянской культурой.

Ю. М. Лотман

Хронотоп усадеб можно определить как состояние счастливой безмятежности и покоя.

В. Г. Шукин

Введение

Тезис Ю. М. Лотмана о том, что великая русская культура сложилась как дворянская, признан сегодня всеми. Во многом дворянская культура складывалась в русских усадьбах. Данное обстоятельство привело к появлению в литературоведении и культурологии феномена «усадебного текста». Указанный термин был введен В. Г. Шукиным, автором геокультурологического исследования «Миф дворянского гнезда» (впервые работа опубликована в Кракове в 1997 г.). Исследователь считал «усадебный текст» одним из интереснейших и сложнейших свертхтекстовых образований, отражающих русскую «усадебную культуру», которая, по его словам, «срослась с соответствующими этой культуре литературными формами»¹.

Интерес к изучению усадебной культуры и, соответственно, усадебному тексту в последнее время возрастает: реализован проект Российского научного фонда «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», в 2021 г. по итогам Международной научной конференции издана коллективная монография «Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования» (ИМЛИ).

История формирования усадебного текста в русской литературе связана прежде всего с творчеством И. С. Тургенева. Созданный писателем образ дворянского гнезда как воплощения утонченности, красоты и благородства, как приюта муз и вдохновения возник благодаря известному идеологическому преломлению образа тургеневского гнезда в художественной прозе и поэзии, а также в мемуарной литературе второй половины XIX – начала XX вв.²

¹ Шукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Российский гений просвещения. Москва: РОССПЭН, 2007. С. 400.

² Там же. С. 157–458.

В данной работе мы обращаемся к автобиографическому произведению В. Набокова, написанному на двух языках: английском (“Conclusive Evidence”, “Speak, Memory”) и русском («Другие берега»). Данные мемуарные тексты представляют собой уникальный межъязыковой эксперимент, названный самим Набоковым метаморфозой.

Набоков является представителем элитарной дворянской культуры. Первые двадцать лет своей жизни он провел в особняке на Большой Морской и в семейных усадьбах (Выра, Рождествено и Батово), которые сегодня известны благодаря его мемуарам. Писатель воплотил в семейных усадьбах образ потерянного Рая, вошедший во многие его тексты, но наиболее ярко и детально – в русскоязычную версию автобиографии, «Другие берега», и во вторую англоязычную, “Speak, Memory”. В этих текстах писатель с наслаждением и грустью погружается в вещный мир своего счастливого детства.

Цель нашего исследования – выявить наиболее яркие реалии усадебного пространства и быта и проанализировать способы их межъязыковой авторской передачи.

Основная часть

Феномен усадебного пространства как неотъемлемая составляющая русской дворянской культуры в современной гуманитарной науке является объектом исследования специалистов разных направлений (как российских, так и зарубежных). Одним из первых англоязычных исследований стала книга П. Рувельт “Life on the Russian country estate” («Жизнь в русской усадьбе»), изданная на английском языке в 1995 г. Русскоязычный авторизованный перевод вышел в 2008 г. (переводчики Н. А. Вознесенский и А. В. Вознесенский). Внучатая племянница Ф. Рувельта, создатель и президент фонда «Американские друзья русской провинциальной усадьбы» (A-FORCE: “The American Friends of the Russian Country Estates”) в своей монографии дает красочную картину исчезнувшего мира русской усадьбы, а созданный ей фонд много сделал для восстановления некоторых усадеб¹.

Исследование усадебного пространства привело к появлению термина «усадебный текст». В. Г. Щукин писал, что усадебное пространство «представляет из себя целый комплекс, включающий как произведения разных видов искусства <...> и стилей, так и вещи, просто необходимые в быту и хозяйстве: разнообразные помещения, мебель, одежду, транспортные средства, утварь, книги, принадлежности для письма, игры в карты, рыбной ловли, охоты, купанья и т. п. К этому надо прибавить отличные друг от друга категории людей – обитателей усадьбы. Люди и вещи в пространственном отношении вписывались в тот природный и культурный ландшафт, который представляла из себя усадьба с ближайшими окрестностями, бывшими во

¹ Рувельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / перевод с английского Н. А. Вознесенского и А. В. Вознесенского. Санкт-Петербург: Коло, 2008. 520 с.

владении помещика и осмыслявшимися как своя земля, своя округа. Из этого и складывалось реальное пространство усадьбы»¹.

Приведенное определение усадьбного пространства стало основой для нашего анализа усадьбных реалий, представленных в двуязычной мемуарной прозе В. Набокова «Другие берега» и “Speak, Memoir”. Вслед за В. Г. Шукиным мы рассматриваем реалии, относящиеся непосредственно к усадьбе и ее быту, к времяпрепровождению членов семьи, проживающих в усадьбе, а также реалии, представляющие обитателей усадьбы, которые не являются членами семьи Набоковых.

Как известно, в переводоведении проблему межъязыковой передачи реалий традиционно относят к непереводимому или труднопереводимому. Это связано с самой сутью реалий, которые, по определению болгарских исследователей С. Влахова и С. Флорина, являются «носителями национального и/или исторического колорита» и, как правило, не имеют эквивалентного словарного соответствия в других языках, их межъязыковая передача требует особого подхода, особого переводческого решения². Известно, например, что А. П. Чехов возражал против того, чтобы перевести пьесу «Вишневый сад» на иностранные языки, поскольку считал, что «французы ничего не поймут из Ермолая, из продажи имения», а в Германии «... нет ни биллиарда, ни Лопахиных, ни студентов а la Трофимов»³.

Однако, в отличие от Чехова, В. Набоков был прекрасным переводчиком, переводил не только чужие, но и собственные тексты, хотя автоперевод он называл «ужасной вещью». В письме З. А. Шаховской он признавался: «Ужасная вещь – переводить себя, перебирая собственные внутренности и примеривая их, как перчатку, и чувствуя в лучшем словаре не друга, а вражеский стан»⁴. Тем не менее он пытался внедриться в этот «вражеский стан» (чужой язык) и найти в нем средства для создания образа своего, как он сам считал, счастливейшего детства, возможно, самого счастливого во всей русской литературе. Автобиографическая проза В. Набокова, написанная на двух языках, представляет собой абсолютно уникальный пример литературного билингвизма и считается «образцом автоперевода в обе стороны»⁵.

Выбор двуязычной автобиографии В. Набокова в качестве материала для исследования «вещного мира» обусловлен тем, что в именно в этом автобиографическом произведении, которое сам писатель называл “a new kind of autobiography”, мир вещей детства и юности представлен особенно ярко. Писатель признавался, что вещи оказывали на него совершенно особое воздействие: «молодые мои чувства подвергались – не знаю как выразиться – телеологическому, что ли, “целобусловленному”

¹ Шукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Российский гений просвещения. Москва: РОССПЭН, 2007. С. 249.

² Влахов С. И., Флорин С. П. Непереваемое в переводе. Москва: Р. Валент, 2006. 448 с.

³ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Москва: Наука, 1983. Т. 12. С. 55.

⁴ Шаховская З. А. В поисках Набокова. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/memory/shahovskaya-v-poiskah-nabokova/predislovie.htm> (дата обращения: 10.08.23).

⁵ Маликова М. Э. Владимир Набоков: автобиография. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. С. 3.

воздействию, как будто собравшиеся в полутьме знакомые предметы сознательно и дальновидно стремились создать этот определенный образ, который у меня теперь запечатлен в мозгу; эту тихую работу вещей надо мной я часто чувствовал в минуты пустых, неопределенных досугов»¹. Результат такой «тихой работы вещей» мы находим в фотографически точном и в то же время мифологизированном их восприятии в текстах писателя.

Автобиографические тексты В. Набокова интересны своей двуязычностью. Обращение к этому материалу дает нам возможность выявить и описать способы авторской межъязыковой передачи реалий русской дворянской усадьбы. Таким образом, в качестве оригинала мы рассматривали русскоязычную версию автобиографии «Другие берега», хотя сначала была издана англоязычная версия “Conclusive Evidence”, которую сам автор называл оригиналом, считая «Другие берега» своего рода автопереводом. Поскольку мы исследуем именно русские реалии и их межъязыковую трансляцию, то считаем корректным рассматривать в качестве оригинала русскоязычный вариант воспоминаний («Другие берега»), а переводом считать вторую англоязычную версию (“Speak, Memory”).

Итак, на первом этапе исследования в русскоязычном тексте автобиографии нами было выявлено 30 фрагментов, содержащих усадебные реалии, затем в англоязычной версии были найдены фрагменты, соответствующие русским и представляющие собой авторский перевод. Ниже приведены примеры наиболее ярких текстовых фрагментов из русскоязычного и англоязычного вариантов автобиографии, в которых содержатся реалии усадебного пространства. Прежде всего это реалии, представляющие общее описание фамильных усадеб:

Diagrammatically, **the three family estates** on the **Oredezh**, fifty miles south of St. Petersburg, may be represented as three linked rings in a ten-mile chain running west-east across the **Luga** highway, with my mother’s **Vyra** in the middle, her brother’s **Rozhestveno** on the right, and my grandmother’s **Batovo** on the left, the links being the bridges across the Oredezh (properly Oredezh’) which, in its winding, branching and looping course, bathed **Vyra** on either side.²

Приведенный отрывок – это фрагмент из англоязычной версии автобиографического текста, точный русскоязычный оригинал которого отсутствует. Здесь уместно вспомнить замечание С. Влахова и С. Флорина об автопереводе: «С точки зрения теории перевода особенно интересны те случаи, когда переводчиком произведения является сам автор. Два момента отличают такого переводчика от обычного. Будучи полновластным хозяином своего произведения, неограниченным в своей переводческой деятельности никакими чисто переводческими установками, он волен переосмысливать и переделывать текст в любом отношении и любой степени, менять композицию образы и средства выражения, пренебрегая чуть ли не любой рекомендацией теоретиков перевода»³. Рассматриваемый нами материал представляет собой

¹ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 181.

² Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 50.

³ Влахов С. И., Флорин С. П. Непереваемое в переводе. Москва: Р. Валент, 2006. С. 168.

тот случай, когда переводчик становится полновластным хозяином русского и английского текстов, и, конечно, Набоков-переводчик не пользовался «рекомендациями теоретиков перевода», он сам был таким теоретиком. Именно поэтому представляется интересным проанализировать набоковские варианты межъязыковой передачи реалий.

Сопоставление русскоязычного и англоязычного вариантов дает основание считать, что иногда достаточно трудно найти абсолютно совпадающие фрагменты. Автор-переводчик часто переструктурирует текст, меняя (сокращая или расширяя) описание некоторых предметов и их деталей, поскольку приведенный англоязычный фрагмент не имеет русскоязычного оригинала.

В английском варианте писатель сразу называет все три фамильные усадьбы, которые связаны между собой рекой Оредеж. В русскоязычном тексте мы встречаемся с Вырой и Рождествено, когда Набоков пишет о своем детском впечатлении от поездки из одной усадьбы в другую.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. "Speak, Memory"

Мать ехала с отцом со **станции Сиверской**, а мы, дети, выехали им навстречу; и вспоминаю именно этот день, *я с праздничной ясностью восстанавливаю родной, как собственное кровообращение*, путь из нашей **Выры в село Рождествено**, по ту сторону Оредежи... ослепительный блеск **жестянки**, оставленной **удильщиком** на перилах, **белую усадьбу дяди на муравчатом холму**, другой мост, через рукав Оредежи, другой холм, с липами, розовой церковью, **мраморным склепом Рукавишниковых...**¹

We children had gone down to the **village**, and it is when I recall that particular day that I see with the utmost clarity the sun-spangled river; the bridge, the dazzling **tin of a can** left by a **fisherman** on its wooden railing; the linden-treed hill with its **rosy-red church and marble mausoleum where my mother's dead reposed.**²

Фрагмент из «Других берегов» содержит сразу несколько реалий-топонимов, отсутствующих в англоязычном тексте, который значительно короче русского: Выра, село Рождествено, река Оредеж, станция Сиверская. Не так детально в англоязычном тексте описан и усадьбный ландшафт. Однако сохранен «мраморный склеп Рукавишниковых» – “**marble mausoleum where my mother's dead reposed**”, при этом фамилия отсутствует, вместо нее используется описание “where my mother's dead reposed”, что можно назвать адекватным переводческим решением. Два русских слова «жестянка» и «удильщик», которые являются разговорными, переведены на английский с помощью нейтральных лексем: «жестянка» – “*tin of a can*”, «удильщик» – “*a fisherman*”. По нашему мнению, это адекватный перевод, в котором передано денотативное значение исходных слов, но в нем теряется оттенок разговорности и погруженности автора в быт деревенской усадьбы.

¹ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 144.

² Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. Penguin Books, 2016. P. 25.

Из трех фамильных усадеб сегодня сохранилась только Рождествено, владельцем которой, согласно завещанию В. И. Рукавишникова (дядя Рука в набоковских мемуарах), должен был стать писатель. Приведем примеры описания этой усадьбы.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. "Speak, Memory"

Рождествено с этой белой усадьбой на зеленом холму, с дремучим парком за ней, с еще более дремучими лесами... проезжающему мимо моего холма по **Варшавскому шоссе**, где – в шестидесяти **верстах** от Петербурга – расположено за одним рукавом **реки Оредеж село Рождествено, а за другим – наша Выкура**¹.

The estate Rozhstveno, with a large village of the same name, extensive lands, and a manor house high above the Oredezh River, on the **Luga (or Warsaw) highway**, in the district of **Tsarskoe Selo (now Pushkin)**, about fifty miles south from St. Petersburg (now Leningrad), had been known before the eighteenth century as the Kurovitz domain, in the old Kopersk district.²

В данном фрагменте так же, как и в предыдущем, используются реалии-топонимы, но если в русском варианте акцент сделан на описании усадьбы и парка, то в английском дается более детальное указание на географическое положение. Кроме того, автор меняет русское слово «верста» на английское слово «миля».

Из трех имений семьи Набоковых главным было имение Выра, принадлежавшее матери писателя Елене Ивановне. Именно Выру автор называет «нашим петербургским имением», «нашей Вырой», именно Выру он описывает подробнее других (в ней проходит его детство). Приведем несколько примеров «Выринского текста».

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. "Speak, Memory"

Они (родители – Д. К.) шли, и между ними шел я... длинную, прямую, обсаженную дубками, – прорезавших «новую» часть огромного парка **в нашем петербургском имении**³.

Between them, as they evenly progressed, I strutted, and trotted, and strutted again... in the park of our **country estate, Vyra, in the former Province of St. Petersburg, Russia**.⁴

В данном примере выделяется уточнение, которое сделано автором в англоязычном варианте относительно расположения петербургского имения. Для англоязычного читателя Набоков специально подчеркивает, что Выра находится в России.

Выра была усадьбой, где прошло детство Набокова, поэтому в текстах автобиографии содержится много описаний барского дома, которые представлены как своего рода кадры из фильма. К подобным примерам можно отнести описание детской кровати.

¹ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 169.

² Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. Penguin Books, 2016. P. 52.

³ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 136–137.

⁴ Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. Penguin Books, 2016. P. 19.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. "Speak, Memory"

Заодно воскресает образ моей детской кровати, с подъемными сетками из пушистого шнура по бокам...¹ The recollection of my **crib, with its lateral nets of fluffy cotton cords...**²

В англоязычном варианте детская кровать описана достаточно подробно, однако общая эмотивность снижается, уходит начало фразы на русском языке «заодно воскресает образ...». То же можно сказать и о следующих отрывках.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. "Speak, Memory"

Вижу нашу деревенскую классную, бирюзовые розы обоев, угол изразцовой печки, отворенное окно: оно отражается вместе с частью наружной водосточной трубы в овальном зеркале над канаве, где сидит дядя Вася, чуть ли не рыдая над растрепанной розовой книжкой³. I see again my **schoolroom in Vyra, the blue roses of the wallpaper, the open window. Its reflection fills the oval mirror above the leathern couch where my uncle sits, gloating over a tattered book**⁴.

Автор старается сохранить в английском тексте детали, описывающие детскую классную комнату: «бирюзовые розы обоев, угол изразцовой печки, отворенное окно» – “blue roses of the wallpaper, the open window”, но эмотивность описания снижается и «деревенская классная» превращается в более нейтральную “*schoolroom in Vyra*”. Словосочетание «отворенное окно» становится нейтральным и превращается в “open window”.

Мы включили в выборку фрагменты, отражающие реалии, связанные с занятиями семьи Набоковых и особенностями их времяпрепровождения.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. "Speak, Memory"

Любимейшим ее летним удовольствием было хождение по грибы⁵. One of her greatest pleasures in summer was the very Russian sport **hodit' po gribi** (looking for mushrooms).⁶

¹ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 139.

² Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 20.

³ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 173.

⁴ Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 62.

⁵ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 152.

⁶ Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 35.

В своем переводе Владимир Набоков часто использует прием транслитерации с последующим объяснением. Автор-переводчик не останавливается на “looking for mushrooms”, для него важно передать русское звучание занятия его матери – “hodit’ po gribi”.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. “Speak, Memory”

Между тем, при отсутствии всякого надзора над штатом в полсотни с лишком человек, и в **усадебные и в петербургском доме** шла веселая **воровская свистопляска**¹.

Meanwhile, with a permanent staff of about fifty servants and no questions asked, our **city household and country place** were the scenes of a fantastic **merry-go-round of theft**.²

Поскольку “Speak, Memory” является своего рода автопереводом «Других берегов», автор часто меняет порядок и детали описания: так, в данном примере исчезает Петербург, вместо него используется “city household”, а «воровская свистопляска» как реалия сохраняется, но передается за счет использования функционального аналога – “merry-go-round of theft”.

Реалии, которые опущены в англоязычном тексте, содержатся в следующем русскоязычном отрывке.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. “Speak, Memory”

Зима, среди которой она приехала к нам, была единственной, проведенной нами в **деревне**, и все было ново и весело – **и валенки, и снеговики, и гигантские синие сосульки, свисающие с крыши красного амбара, и запах мороза и смолы, и гул печек в комнатах усадьбы, где в разных приятных занятиях тихо кончалось бурное царство мисс Робинсон... будет покойнее в Выре**³.

That winter of 1905–1906, when Mademoiselle arrived from Switzerland, was the only one of my childhood that I spent in the country. It was a year of strikes, riots and police-inspired massacres, and I suppose my father wished to keep his family away from the city, in our **quiet country place**⁴.

Для Набокова в русской версии автобиографии является важным описание зимы. Он перечисляет зимние атрибуты, связанные с его детством. В англоязычной версии они опускаются, акцент делается на исторических событиях того времени. Даже топоним Выра заменяется на “quiet country place” («спокойное загородное место»).

Усадебное пространство обязательно включает в себя его обитателей: не только членов семьи, но и тех, кто служил в усадьбе. Например, в мемуарах упомянута

¹ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 154.

² Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 38.

³ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 185.

⁴ Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 77.

Мадмуазель О. Она была гувернанткой французского происхождения, прибывшей для обучения детей французскому языку. Ее образ в мемуарах особенно важен, поскольку именно посвященный ей фрагмент предвосхитил появление автобиографии, когда в 1936 г. Набоков написал очерк “Mademoiselle O” на французском языке

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. “Speak, Memory”

Ее **русский словарь** состоял из одного короткого слова – того же, ничем не обросшего, неразменного слова, которое спустя десять лет она увезла обратно, в родную Лозанну. Это простое словечко «где» превращалось у нее в «гиди-э».¹

Her **Russian vocabulary** consisted, I know, of one short word, the same solitary word that years later she was to take back to Switzerland. This word, which in her pronunciation may be phonetically rendered as “giddy-eh” (actually it is gde with e as in “yet”), meant “Where?”²

Данный пример показателен, поскольку он отражает, как Набоков за счет транслитерации с последующим объяснением воспроизводит особенности речи Мадмуазель О. Так, простое слово «где» и то, как она его произносит, объясняется следующим образом: “giddy-eh” (actually it is *gde* with *e* as in “yet”), meant “Where?” Набоков подчеркивает искаженное произношение гувернантки.

Другим обитателем вырского дома является буфетчик Алексей, который в англоязычной версии становится Aleksey, the butler.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. “Speak, Memory”

Не раз случалось, что, во время завтрака в **многооконой, орехом обшитой столовой вырского дома, буфетчик** Алексей...³

Several times during a summer it might happen that in the middle of luncheon, in the bright, many-windowed, walnut-paneled dining room on the first floor of our **Vyra manor, Aleksey, the butler**.⁴

Благодаря использованию функционального аналога русское слово «буфетчик» превращается в английское слово “butler”. Таким образом, на наш взгляд, статус слуги повышается, поскольку в англоязычной культуре дворецкий занимает более высокое положение в иерархической системе слуг, особенно в сравнении с “barman” или “counterman” (данные слова можно было использовать в процессе перевода, но Набоков выбрал другой вариант).

Приведем еще один пример, где упоминается кучер Петр.

¹ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 186.

² Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 77.

³ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 144.

⁴ Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 26.

Набоков В. В. «Другие берега»

Nabokov V. "Speak, Memory"

Страдая нервным заиканием на губных звуках, он не задумался переименовать своего кучера Петра в Льва – и мой отец обозвал его крепостником¹.

Because he stammered and had difficulty in pronouncing labials, he changed his **coachman's** name from Pyotr to Lev; and my father (who was always a little sharp with him) accused him of a **slaveowner's mentality**².

Русское слово «кучер» передано традиционным переводческим соответствием «coachman», в то время как русское «крепостник» с явной отрицательной коннотацией Набоков не стал передавать с помощью транслитерации, а заменил на более общий юридический термин «slaveowner».

Проведенный сопоставительный анализ русскоязычных и англоязычных фрагментов автобиографии, содержащих усадебные реалии, позволил нам увидеть авторские переводческие решения, используемые писателем для воссоздания на английском языке русского усадебного мира. К таким решениям можно отнести следующие приемы авторского перевода:

1) традиционный словарный перевод, часто с авторскими комментариями или уточнениями (в нашем петербургском имении – Vyra, in the former Province of St. Petersburg, Russia);

2) замена реалии (буфетчик Алексей – Aleksey, the butler);

3) генерализация («крепостник» – «slaveowner»);

4) транслитерация («хождение по грибы» – "hodit' po gribi" ("looking for mushrooms"));

5) функциональный аналог («воровская свистопляска» – "merry-go-round of theft").

Подчеркнем, что для передачи усадебных реалий, представляющих собой часть более представительной группы реалий (реалии дворянского быта), Набоков как переводчик использует достаточно традиционные приемы. Однако ранее проведенное нами исследование, выполненное на материале дворянских реалий, позволило сделать вывод о том, что самым распространенным способом передачи реалий у Набокова является транслитерация с объяснением. В то же время именно в реалиях, относящихся к усадебному пространству, транслитерация уступает место генерализации и словарному переводу.

Выводы

Одним из эпиграфов к данной статье мы выбрали слова В. Г. Щукина: «Хронотоп усадьбы можно определить как состояние счастливой безмятежности и покоя». Такое состояние связано с определенным вещным миром усадьбы и с ее реалиями. В. Набоков, выполняя завет своей матери «любить всей душой», наполняет

¹ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 167.

² Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. P. 57.

автобиографические тексты (как русскоязычный, так и англоязычный) разнообразными реалиями. Очевидно, что передать образы указанных реалий, относящихся к русскому периоду жизни писателя, в русскоязычной версии автобиографии было процессом естественным, в то время как процесс, названный самим Набоковым “an English re-telling of Russian memories”, проходил намного сложнее. Сложность заключалась в передаче образов дорогих для Набокова реалий усадебного пространства и быта на английском языке. Сопоставление фрагментов русскоязычного текста «Другие берега», содержащих усадебные реалии, с соответствующими фрагментами англоязычной версии “Speak, Memory” позволило выявить и проанализировать способы межъязыковой передачи реалий, используемые писателем-билингвом в ситуации автоперевода, т. е. в ситуации, когда переводчик является «полновластным хозяином» как оригинала, так и перевода. Это тот случай, когда полностью отсутствует главная проблема перевода – проблема понимания в целом и проблема знания и точного представления о той или иной реалии. Именно поэтому двуязычная автобиография В. Набокова является ценным материалом для изучения не только феномена литературного билингвизма и автоперевода, но и более частных проблем, среди которых выделяется проблема авторского подхода к межъязыковой передаче реалий. В случае В. Набокова, это реалии дворянского быта, включающие в себя реалии усадебного пространства, которые создают, по словам В. Г. Щукина, «миф дворянского гнезда».

Список источников

- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Москва: Р. Валент, 2006. 448 с.
- Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / перевод с английского Н. А. Вознесенского и А. В. Вознесенского. Санкт-Петербург: Коло, 2008. 520 с.
- Маликова М. Э. Владимир Набоков: автобиография. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. 234 с.
- Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, Огонек, 1990. Т. 4. С. 118–139.
- Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Москва: Наука, 1983. Т. 12. 514 с.
- Шаховская З. А. В поисках Набокова. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/memory/shahovskaya-v-poiskah-nabokova/predislovie.htm> (дата обращения: 10.10.2023).
- Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Российский гений просвещения. Москва: РОССПЭН, 2007. С. 157–458.
- Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 2016. 262 p.

References

- Vlakhov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: R. Valent, 2006. 448 p.
- Ruzvel't P. *Zhizn' v russkoi usad'be: opyt sotsial'noi i kul'turnoi istorii* [Life in a Russian estate:

experience of social and cultural history; translated by N. A. Voznesenskii, A. V. Voznesenskii]. St Petersburg: Kolo, 2008. 520 p.

Malikova M. E. *Vladimir Nabokov: avtobiografiia* [Vladimir Nabokov: Autobiography]. St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002. 234 p.

Nabokov V. V. *Drugie berega* [Other Shores]. *Nabokov V. V. Sobranie sochinenii: v 4 t* [Nabokov V. V. Collected Works: in 4 vols.]. Moscow: Pravda, Ogonek, 1990, vol. 4, pp. 118–139.

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v t. Pis'ma* [Complete set of works and letters: in 30 vols. Letters]. Moscow: Nauka, 1983, vol. 12. 514 p.

Shakhovskaia Z. A. *V poiskakh Nabokova* [In search of Nabokov]. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/memory/shahovskaya-v-poiskah-nabokova/predislovie.htm> (accessed: 10.10.2023).

Shchukin V. G. *Mif dvorianskogo gnezda. Geokul'turologicheskoe issledovanie po russkoi klassicheskoi literature* [Myth of the nobleman's nest. Geocultural research on Russian classical literature]. *Rossiiskii genii prosveshcheniia* [Russian Genius of Enlightenment]. Moscow: ROSSPEN, 2007, pp. 157–458.

Nabokov V. *Speak, Memory. An Autobiography Revisited*. London: Penguin Books, 2016. 256 p.

Сведения об авторе

Дмитрий Данилович Курушин – аспирант; <https://orcid.org/0000-0001-5579-7692>, dmitry.kurushin@gmail.com, Пермский государственный национальный исследовательский университет (д. 15, ул. Букирева, 614068 г. Пермь, Россия); ассистент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (д. 29, Комсомольский пр., 614990 г. Пермь, Россия); **Dmitry D. Kurushin** – Postgraduate Student; <https://orcid.org/0000-0001-5579-7692>, Perm State National Research University (15, ul. Bukireva, 614068 Perm, Russia); Assistant Lecturer; Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolskiy pr., 614990 Perm, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 14.11.2023.

The article was submitted 01.11.2023; Approved after reviewing 01.11.2023; Accepted for publication 14.11.2023.